
Обещанное лето
Инна Искра

Инна Искра

Обещанное лето

Серия «Учиться оставаться», книга 1

https://litres.ru/74946248
SelfPub; 2026

Аннотация

Всё началось с самоуверенного: «Захочу — влюбится». Но кто же знал, что все зайдет так далеко, а потом будет так больно.

Содержание

Глава 1. Не ее место 4
Глава 2. Для начала — поговорить 27
Глава 3. По ту сторону фамилии 49
Глава 4. После уроков 71
Глава 5. Не ради него 92
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Инна Искра
Обещанное лето

Глава 1. Не ее место

— Алина, ты долго еще? — доносится из прихожей голос мамы.

— Уже иду!

Отступаю от зеркала и снова смотрю на себя. Вроде бы все нормально. Блузка не просвечивает, юбка не слишком короткая, волосы лежат как надо. Хотя вот эту прядь лучше все же убрать.

Убираю. Смотрю еще раз.

Нет, раньше было лучше.

Телефон на кровати недовольно вибрирует. Даша. Уже третье сообщение за последние пять минут, и, судя по их количеству, подруга успела добраться до школы.

«Ты где?»

«Дома. Выхожу», — быстро набираю в ответ.

«Ты десять минут назад выходила».

Ну не десять. Минут шесть, наверное. И я действительно собиралась выходить, просто в последний момент решила сменить сережки. Те были слишком нарядные. Все же в школу иду, а не на праздник. Хотя первое сентября вроде

как праздник и есть.

Ладно, хватит.

Схватив сумку, выхожу в коридор, где меня уже поджидают родители. Мама держит букет, папа — телефон. Увидев его, я останавливаюсь.

— Мы же фотографировались.

— Это было возле окна. Теперь вместе с мамой.

— Пап, я опаздываю.

— Одну фотографию, — обещает он.

Одной, разумеется, не обходится. На первой мама закрыла глаза, на второй я смотрю куда-то в сторону. Пока делаем третью, телефон снова вибрирует.

— Все, я побежала.

Забираю цветы, целую маму в щеку и тянусь к двери.

— После школы позвони, — напоминает она. — И про собрание узнай.

— Хорошо.

— Последний год, Алин, — произносит папа уже без улыбки. — Даже не верится.

Оборачиваюсь. Он смотрит на меня так, будто я не в школу собираюсь, а уезжаю куда-то надолго. Становится немного не по себе.

— Мне тоже. Но я пока никуда не делась.

— Вот и хорошо, — улыбается мама. — Беги уже, выпускница.

Закрыв за собой дверь, спускаюсь по лестнице.

Выпускница. За утро я слышу это слово уже раз десятый, и с каждым разом оно нравится мне все меньше. Вместе с ним обязательно идут экзамены, поступление и вопросы о том, кем я собираюсь стать. Если бы еще я сама точно знала. Мне нравится рисовать, нравится придумывать, как можно переделать комнату или обставить квартиру, но достаточно ли этого, чтобы выбирать профессию? Пока непонятно.

Зато взрослые уверены, что к семнадцати годам с такими вещами уже пора определиться.

Телефон опять вибрирует.

«Если через пять минут не придешь, я с тобой не разговариваю».

Ускоряю шаг. Вот с Дашей все понятно. Сейчас будет ругаться, потом расскажет, кто уже пришел, а через несколько минут забудет, что вообще на меня сердилась.

***

Подругу замечаю еще издалека. Стоит возле ворот, смотрит на телефон и время от времени поправляет волосы. Одну прядь она покрасила в розовый. На фотографиях цвет казался светлее, а вживую его видно с другого конца улицы.

— Привет! — подойдя, обнимаю ее.

— Ты издеваешься?

— Нет. Правда рада тебя видеть.

— Я тут уже двадцать минут стою.

— Мы же договаривались без пяти.

— А я раньше пришла.

— Тогда при чем здесь я?

Даша открывает рот, собираясь что-то ответить, но в итоге только машет рукой.

— Ладно. Пошли, наши возле крыльца.

Во дворе полно народу. Родители фотографируют детей, первоклассники выглядывают из-за огромных букетов, учителя пытаются объяснить всем, куда вставать. Пробираясь между людьми, несколько раз здороваюсь со знакомыми. Кто-то машет мне издалека, кто-то подходит обняться. С большинством мы виделись летом, но все равно приятно снова собраться вместе.

— Соколова!

Оборачиваюсь. К нам идет Леша Громов, широко улыбаясь. Подойдя, он обнимает меня, даже не спросив, не против ли я, и заглядывает в лицо.

— Загорела.

— Ты тоже.

— Мне идет.

— Разве я спорю?

Он смеется и забирает у меня сумку.

— Тяжелая?

— Нет.

— Теперь тем более.

С Лешей мы общаемся давно. Он веселый, симпатичный и в последнее время слишком часто предлагает проводить меня домой. Летом несколько раз звал гулять вдвоем, но я

каждый раз находила причину отказаться. Не потому, что он мне неприятен. Просто встречаться с ним я не хочу. А он, похоже, пока надеется.

— После школы в кафе пойдем? — спрашивает он.

— Кто идет?

— Все.

— Тогда посмотрим.

— Ты опять со своим «посмотрим».

— А ты опять торопишься.

Он собирается что-то ответить, но нас зовет Елена Викторовна. Приходится идти к классу.

Наша классная руководительница выглядит бодрой и довольной жизнью. Даже немного подозрительно. Обычно к концу первого же дня она вспоминает, с кем ей предстоит провести еще девять месяцев, и радости у нее заметно убавляется.

— Все здесь? — спрашивает она, пересчитывая нас. — Так, Громов, телефон убрал. Даша, что у тебя с волосами?

— Покрасила.

— Вижу, что не само выросло.

Подруга вздыхает. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть улыбку, и замечаю Марка Воронцова.

Стоит чуть в стороне, разговаривает с Сережей Лариным. Белая рубашка, темные брюки, рюкзак на одном плече. За лето вроде бы почти не изменился. Только загорел и волосы стали немного светлее.

Марк учится с нами с восьмого класса. Красивый, умный, хорошо плавает. Девочкам нравится, причем не только из нашего класса. В прошлом году к нему часто приходила какая-то десятиклассница. Звала поговорить, ждала после уроков. Чем у них закончилось, не знаю. Я не интересовалась.

У нас с ним отношения простые: здороваемся, иногда перекидываемся парой слов, на этом все. Причин ссориться нет, дружить тоже как-то не получилось. Он больше общается со своей компанией, я — со своей.

Поймав мой взгляд, Марк чуть кивает.

— Привет.

— Привет.

После этого возвращается к разговору с Лариным.

Я тоже отворачиваюсь. Леша все еще держит мою сумку и, кажется, уже собирается нести ее вместо меня до самого класса.

***

Линейка заканчивается почти через час.

За это время я успеваю устать, пожалеть, что не взяла воду, и выслушать от Даши все, что она думает о новых туфлях. Директор говорит долго. Потом выступает завуч, потом еще кто-то. Первоклассники начинают вертеться, родители — поглядывать на часы.

Когда нас наконец отпускают, в здании сразу становится шумно.

Поднимаемся на второй этаж и заходим в кабинет литера-

туры. За лето здесь покрасили подоконники и заменили жалюзи. В остальном ничего не изменилось. Даже шкаф возле доски все так же стоит немного криво.

Мы с Дашей сразу идем к своей парте в среднем ряду. Сидим за ней уже три года, и менять место я не собираюсь. Доску видно хорошо, от двери не дует, зимой возле окна не мерзнешь. И учитель не прямо перед тобой, что тоже удобно.

Леша ставит мою сумку на стол.

— Благодарю за службу, — говорю ему.

— Обращайся.

— Обязательно.

Он улыбается и идет к мальчишкам на задние парты. Я уже собираюсь сесть, когда Елена Викторовна закрывает дверь и хлопает ладонью по журналу.

— Подождите. Пока не рассаживайтесь.

Почему-то сразу становится понятно, что ничего хорошего дальше не будет.

— В этом году у нас будет другой порядок.

Даша медленно поворачивается ко мне.

— Нет, — шепчет она.

Я тоже смотрю на учительницу без особой радости.

— Рассадку я немного изменила, — продолжает та, доставая листок. — Чтобы на уроках вы занимались, а не разговаривали.

Класс недовольно гудит.

— Мы и так занимаемся, — возражает кто-то сзади.

— Вот сейчас и выясним, можно ли делать это еще лучше. Громов, первая парта передо мной.

— За что?

— Пока ни за что. Для профилактики.

Леша тяжело вздыхает и тащит рюкзак вперед.

Дальше все происходит быстро. Елена Викторовна называет фамилии, указывает места и не обращает внимания на возражения. Мы с Дашей стоим возле своей парты до последнего. Вдруг нас все же оставят? Разговариваем мы не так уж много. Не больше остальных, во всяком случае.

— Соколова, вторая парта у окна.

Нет, не оставят.

— Елена Викторовна, а можно мы здесь?

— Нельзя.

— Но почему? Мы же нормально сидим.

— Именно. Три года нормально сидите, пора попробовать что-то новое. Даша, ты за четвертую парту в среднем ряду. Воронцов, к Алине.

Смотрю на Марка. Тот без каких-либо возражений поднимает рюкзак.

Вот так просто? Даже не спросит, можно ли остаться на прежнем месте?

— Мы вам чем-то мешали? — не выдерживает Даша.

— На этот вопрос тебе честно ответить?

Подруга замолкает.

Поняв, что ничего не добьюсь, забираю вещи. Настроение

портится окончательно. Вроде бы ерунда, всего лишь другая парта, а неприятно. Мы с Дашей столько лет рядом просидели. Теперь она почти в другом конце класса, а мне придется привыкать к Воронцову.

Марк подходит одновременно со мной.

— У окна будешь? — спрашивает он.

— Да.

Он отступает, пропуская меня, и садится с краю.

Устраиваюсь на стуле, сумку вешаю сбоку. Букет приходится положить на подоконник. Тут же вспоминаю, что цветы вообще-то предназначались Елене Викторовне, а не для украшения моего нового места.

Поднимаюсь, Марк снова пропускает меня.

Отдав букет, возвращаюсь и в третий раз заставляю его отодвинуться.

— Извини.

— Ничего.

Сажусь. Он достает тетрадь и ручку, кладет телефон перед собой. Я смотрю на него, но сосед уже занят своим рюкзаком.

Ну ладно. Раз сидеть вместе, можно хотя бы поговорить.

— Ты не против?

— Чего? — он поворачивает голову.

— Что нас пересадили.

Марк пожимает плечами.

— Нет. А ты?

— Мы с Дашей привыкли вместе сидеть.

— Понятно.

И все.

Жду еще немного, но продолжения не следует. Он убирает рюкзак под парту и смотрит на учительницу.

Хм. Разговорчивый мне достался сосед. Впрочем, может, просто не хочет отвлекаться. Елена Викторовна как раз начинает рассказывать, насколько важный у нас год.

***

Первые минут десять я действительно слушаю.

Нам сообщают расписание консультаций, предупреждают о пробных экзаменах, советуют не откладывать подготовку. Потом Елена Викторовна переходит к тому, что мы уже взрослые и должны понимать ответственность за свое будущее.

Это я сегодня уже слышала. И дома, и на линейке.

Открыв тетрадь, записываю время родительского собрания. Затем, немного подумав, обвожу дату рамкой. В углу страницы рисую окно, возле него — кресло и маленький столик.

— Ты в какой вуз собираешься? — негромко спрашиваю у Марка.

— Пока выбираю.

— Я тоже.

Он кивает.

Снова молчит.

Я поворачиваюсь к нему чуть сильнее.

— А направление?

— Экономика, возможно. Или управление. Еще не решил.

— Тебе математика нравится?

— Да.

— Заметно.

Теперь он смотрит на меня с некоторым недоумением.

— Почему?

— У тебя по ней одни пятерки.

— У тебя тоже.

— У меня не одни.

— Почти.

Вроде бы обычный ответ, но мне становится немного приятнее. Значит, хоть что-то он обо мне знает.

— Я просто готовлюсь, — объясняю. — Если перестану, сразу выяснится, что не такая уж я умная.

— Наверное, со всеми так.

Марк говорит без насмешки. Спокойно, даже доброжелательно. Только поддерживать разговор явно не стремится. Отвечает на вопросы, а сам ничего не спрашивает.

— Соколова, — раздается от учительского стола. — На новом месте уже освоилась?

Несколько человек смеются.

— Пока нет.

— Тогда осваивайся молча.

Отворачиваюсь к тетради. Вот замечательно. Первый

день, а замечание уже получила. Воронцов при этом сидит с таким видом, словно вообще ни при чем. Хотя он действительно ни при чем. Заговорила-то я.

Телефон коротко вибрирует.

Даша: «Ну как тебе?»

Прикрываю экран рукой и отвечаю: «Пока никак».

«Он красивый».

«Сама вижу».

«Тогда чего недовольная?»

Поглядываю в сторону подруги. Та улыбается мне со своей четвертой парты. Похоже, уже смирилась. Или просто ее новый сосед оказался разговорчивее моего.

Убираю телефон и замечаю, что ручка покатилась по столу. Марк ловит ее у самого края, кладет рядом с моей тетрадью.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Можно было бы еще что-нибудь сказать. Только что? Хвалить его за то, что ручку поймал?

Нет уж. Если человеку не хочется разговаривать, навязываться я не собираюсь.

Сосредотачиваюсь на учительнице. Минуты через две все же кошусь на соседа.

Сидит спокойно, слушает. На руке возле запястья небольшая царапина. Рукав рубашки слегка задрался, и видно, что загар на предплечье темнее.

Марк поворачивает голову.

Быстро смотрю в тетрадь и начинаю дорисовывать креслу подлокотник. Надеюсь, не решил, что я его разглядываю.

Хотя именно этим я и занималась.

***

На перемене Даша подходит почти сразу.

— Пойдем.

Выбираюсь из-за парты и вместе с ней выхожу в коридор.

— Не такой уж он и красивый, — сообщаю, когда мы отходим от двери.

Подруга удивленно смотрит на меня.

— Я ничего не спрашивала.

— Ты писала.

— И ты согласилась.

— Я сказала, что вижу.

— А теперь перестала?

Недовольно смотрю на нее. Даша смеется.

— Ладно, что случилось?

— Ничего. С ним просто поговорить невозможно.

— Почему?

— Потому что не разговаривает.

— Может, тебя слушал?

— Очень смешно.

Останавливаемся возле подоконника. В коридоре толкаются ученики, кто-то пытается пройти с большой коробкой, из соседнего кабинета выходит учитель и требует не орать.

Я поправляю волосы, убирая их за ухо. Подруга продолжает смотреть с таким интересом, будто я успела сообщить ей что-то важное.

— А о чем ты хотела с ним поговорить?

— Да ни о чем особенном. Просто сидеть рядом весь год и молчать как-то странно.

— Он тебе что, вообще не отвечал?

— Отвечал.

— Тогда в чем проблема?

И правда. В чем?

Не грубил, место уступил, ручку поймал. На вопросы ответил. Претензий вроде бы никаких, а ощущение все равно неприятное. Обычно разговоры у меня получаются както сами. Не приходится задумываться, что еще сказать и почему человек не хочет продолжать.

— Забудь, — говорю наконец. — Наверное, настроение у него такое.

— Может быть.

Даша отвлекается на телефон, а я смотрю в сторону класса.

Марк стоит возле двери. Рядом с ним Соня Белова, показывает ему что-то на экране. Он наклоняется ближе, читает, потом произносит несколько слов.

Соня смеется и тычет его пальцем в плечо.

Воронцов тоже улыбается. Потом забирает у нее телефон, что-то находит и начинает объяснять. Причем вполне охот-

но. Без моих мучительных вопросов и коротких ответов.

Так. А вот это уже интересно.

Значит, дело не в настроении?

— Они летом на сборы ездили, — говорит Даша.

Оборачиваюсь к ней.

— Кто?

Она смотрит на меня, потом переводит взгляд на Марка.

— Воронцов и Белова. На олимпиадные. Соня рассказывала.

— Понятно.

Соня симпатичная. Хорошо учится, занимается танцами, ни с кем особо не ссорится. Мы с ней вполне нормально общаемся. И никаких причин испытывать к ней неприязнь у меня нет.

Я ее и не испытываю.

Просто не понимаю, почему с ней Воронцов разговаривает, а со мной нет.

— Может, они встречаются? — спрашиваю как можно равнодушнее.

— Вроде нет. У Сони парень из другой школы.

— Ясно.

Подруга прячет телефон.

— Тебе Марк понравился?

— Нет.

— Тогда чего ты на него смотришь?

— Даша, мы теперь рядом сидим. Мне интересно, что он

за человек.

— Угу.

По ее лицу видно, что не поверила. Да и я сама вдруг начинаю сомневаться, насколько убедительно это прозвучало.

***

За учебниками нас отправляют в библиотеку.

Нужно принести комплекты на весь класс, поэтому мальчишки уходят за ними, а мы остаемся ждать. Елена Викторовна снова смотрит в свои списки. Я решаю воспользоваться моментом.

— А рассадка точно на весь год?

Учительница поднимает голову.

— Алина.

— Я просто уточняю.

— Пока точно. Дальше будет видно.

Это уже лучше. Значит, шанс еще есть.

Возвращаюсь на место и достаю телефон. Леша прислал ссылку на кафе, в которое все собираются. Следом приходит отдельное сообщение с вопросом, что я решила.

Пишу, что сначала поеду домой, а потом сообщу.

Ответ появляется почти сразу: «Буду ждать».

Улыбаюсь. Вот с ним все понятно. Хочет меня видеть и не считает нужным это скрывать. Может, зря я все время отказываюсь? Сходить вместе в кафе не значит немедленно начать встречаться.

В класс возвращаются мальчишки. Марк несет высокую

стопку учебников, ставит ее на первую парту и отходит, уступая место остальным.

Получаем книги по списку. У алгебры мне достается слегка оторванная обложка, зато литература почти новая. Забираю комплект, прижимаю к себе и иду обратно.

Верхняя книга начинает съезжать.

Пытаюсь поправить ее подбородком, но выходит плохо. Еще немного, и все окажется на полу.

— Давай сюда, — говорит Марк.

Подойдя, забирает верхнюю половину стопки.

— Спасибо.

Он кладет учебники на парту и возвращается за своим комплектом.

Я смотрю ему вслед. Помог сам, просить не пришлось. Значит, все же замечает, что рядом происходит.

Ну еще бы. Я почти уронила на него геометрию.

Сев, открываю сумку и пытаюсь понять, как все туда поместить. Утром она казалась достаточно большой, сейчас в этом появились сомнения. Приходится вытащить косметичку, бутылку воды и тетрадь.

Марк возвращается, садится рядом.

— Не помещаются? — спрашивает он.

— Пока нет.

— Самые большие назад поставь.

— Я так и собираюсь.

Он больше ничего не советует. Спокойно укладывает свои

книги, пока я вожусь с сумкой.

В конце концов все получается. Правда, застегивается она с трудом, но домой я ее как-нибудь донесу.

— Вы после школы куда-нибудь идете? — спрашиваю, не глядя на соседа.

— Не знаю. Ребята вроде собирались.

— Мы в кафе на углу. Можешь с нами.

Сама удивляюсь, зачем предложила. Леша пригласил весь класс, Воронцов и так мог слышать.

— Спасибо, но я не пойду.

Поднимаю голову.

— Дела?

— Тренировка.

— Ее же наверняка можно пропустить. Сегодня первое сентября.

— Можно, — соглашается Марк. — Но я не хочу.

И произносит это совершенно спокойно.

Я замолкаю.

Он не хочет пропускать тренировку. Всего лишь. Ко мне это не имеет никакого отношения, и приглашала я его не на свидание. Поэтому обижаться глупо.

Но почему-то хочется.

— Ну как знаешь, — отвечаю, снова принимаясь за сумку.

Елена Викторовна наконец заканчивает со списками и отпускает нас. Стулья скрипят, все поднимаются, тянутся к двери.

Марк встает.

— До завтра, Алин.

— До завтра.

Он уходит вместе с Лариным. Я еще несколько секунд сижу, потом подхватываю сумку и направляюсь к Даше.

***

На улице подруга сразу начинает рассказывать про своего нового соседа. Тот уже успел исписать ее ручку, хотя толком ничего не записывали.

Слушаю и время от времени отвечаю. Даша постепенно замолкает.

— Ты чего?

— Ничего.

— У тебя сегодня все ничего. Воронцов ничего, рассадка ничего, настроение тоже ничего.

— С настроением у меня нормально.

— Тогда пойдешь с нами?

Качаю головой.

— Домой сначала.

Впереди, возле ворот, замечаю Марка. Он разговаривает по телефону, Ларин стоит рядом и ждет. Воронцов слушает, несколько раз коротко отвечает, после чего убирает телефон.

Мы подходим достаточно близко, чтобы он мог нас заметить.

Но он не оборачивается.

Прощается с Лариным и идет направо.

Почему-то провожаю его взглядом. Потом замечаю выражение лица Даши и раздраженно выдыхаю.

— Что?

— Ничего, — с явным удовольствием отвечает она.

— Вот именно.

Идем дальше молча. Молчания хватает шагов на десять.

— Он тебе все-таки понравился.

— Не понравился.

— Тогда что?

— Меня удивляет его поведение.

— Чем? — искренне интересуется Даша. — Он тебе нагрубил?

— Нет.

— Послал?

— Нет!

— Тогда чего ты от него хочешь?

Собираюсь ответить и понимаю, что не знаю.

Чтобы разговаривал? Так он разговаривает. Чтобы улыбался? Видела сегодня, умеет. Чтобы интересовался мной?

Вот это уже ближе.

Только произносить такое вслух не хочется. Получается, я злюсь на человека за то, что он не обращает на меня достаточно внимания. Звучит глупо. Особенно учитывая, что до сегодняшнего утра я о нем почти не думала.

— Просто он какой-то странный, — говорю наконец.

— Нормальный он. Ты привыкла, что с тобой все сами

знакомятся и разговаривают, а тут не получилось.

— Почему не получилось?

— А получилось?

Недовольно смотрю на подругу. Та пожимает плечами.

— Алин, не всем же тебе нравиться.

Я останавливаюсь.

Даша делает еще пару шагов, замечает, что меня нет рядом, и оборачивается.

— Ты чего?

— В смысле не всем?

Она начинает улыбаться.

— Ну вот.

— Я не о том. Просто ты говоришь так, будто я ему не могу понравиться.

— Я такого не говорила.

— Но подумала.

— Соколова, откуда мне знать, кто ему нравится?

Вопрос разумный. Только сейчас разумности мне как раз и не хватает. Вспоминается, как Марк смотрел на Соню. Ничего особенного, обычный разговор, но со мной-то даже такого не получилось.

И это почему-то задевает.

— Если захочу, понравлюсь, — произношу я.

Даша смотрит уже без улыбки.

— А ты хочешь?

Хороший вопрос.

Марк красивый. И не дурак. Спокойный, вежливый, не лезет с глупыми шутками. Вполне можно было бы пообщаться поближе. Ничего плохого в этом нет.

Даже интересно, какой он, когда не отвечает на вопросы, а разговаривает сам.

— Пока не знаю, — говорю, снова тронувшись с места.

Подруга догоняет меня.

— Ты только спорить на него не вздумай.

— Не собираюсь я спорить.

— А что собираешься?

На этот раз отвечаю не сразу.

Нужно бы отмахнуться. Перевести разговор на Лешу, на кафе, на что угодно. Но перед глазами все еще стоит Воронцов, спокойно укладывающий учебники, пока я придумываю, что еще у него спросить.

— Захочу — влюбится, — говорю наконец.

Даша несколько секунд молчит.

— Самоуверенно.

— Возможно.

Она качает головой, а я поправляю съехавшую с плеча сумку.

До перекрестка идем без разговоров. Там подруга поворачивает к остановке, а я направляюсь домой. Телефон вибрирует: мама спрашивает, закончились ли занятия.

Отвечаю и заодно открываю школьный чат. В списке участников быстро нахожу Марка. На фотографии он стоит

возле какого-то озера, щурится на солнце. Без рубашки, в обычной футболке, с растрепанными волосами.

Смотрю немного и закрываю.

Писать ему я не собираюсь. Еще чего. Завтра все равно увидимся.

А вот просить Елену Викторовну вернуть меня к Даше пока, пожалуй, не стану.

Глава 2. Для начала — поговорить

Утром выясняется, что за ночь я успела придумать себе лишнюю проблему.

Пока собираюсь в школу, несколько раз вспоминаю вчерашний разговор с Дашей. Особенно ту часть, где я с полной уверенностью заявила, что Воронцов в меня влюбится, стоит только захотеть.

И зачем я это сказала?

Даша, конечно, не станет рассказывать всем подряд. Если отдельно попросить, точно не станет. Но теперь она будет смотреть, ждать и время от времени интересоваться, как продвигаются дела. А никаких дел у меня нет. Я вообще пока ничего не собираюсь делать. Просто попробую нормально поговорить с человеком, с которым предстоит сидеть за одной партой. Вчера не получилось, сегодня получится. Не такая уж сложная задача.

Выбирая между двумя блузками, задерживаюсь перед шкафом. Белую надевала вчера. Голубая нравится мне больше, но у нее рукава постоянно задираются, когда пишешь.

Надеваю голубую.

К Воронцову это отношения не имеет.

На кухне мама ставит передо мной тарелку.

— Ты сегодня рано.

— У нас алгебра первым уроком.

— И поэтому надо прийти раньше?

— Не хочу опаздывать.

Мама смотрит с некоторым удивлением, но расспрашивать не начинает. Зато папа, до этого читавший что-то в телефоне, поднимает голову.

— Правильный подход. Начнешь год с опоздания, дальше вообще втянешься.

— Пап, я в прошлом году три раза опоздала.

— Вот именно. Есть куда расти.

Судя по улыбке, издевается.

Быстро завтракаю, забираю сумку и выхожу. Сегодня Даша не успеет написать, что я опять где-то пропала.

***

У кабинета математики пока почти никого нет.

Ларин сидит на широком подоконнике, листает телефон. Две девочки из параллельного класса разговаривают возле расписания. Еще кто-то возится с замком соседнего кабинета.

Марк стоит у окна в конце коридора. В наушниках, с телефоном в руке. Отлично. Подхожу, заодно убирая волосы с плеча.

— Привет.

Он замечает меня не сразу. Потом вытаскивает один наушник.

— Привет.

— Рано пришел?

— Минут пять назад.

— Я тоже сегодня решила заранее. Не хочется с утра бежать по лестнице.

Он кивает и убирает телефон в карман.

Хотя бы не продолжает в него смотреть. Уже хорошо.

— Что слушаешь? — спрашиваю, кивнув на наушники.

Марк называет группу. Я слышала пару песен, но сказать, что хорошо знаю ее творчество, не могу.

— Мне у них одна нравится. Название не помню. Там еще в начале…

Пытаюсь напеть несколько нот и сама понимаю, что вышло не слишком узнаваемо.

Марк чуть улыбается.

— По этому сложно определить.

— Я не певица.

— Я заметил.

Смотрю на него. Он говорит совершенно серьезно, только глаза выдают, что все-таки шутит.

Вот как. Значит, умеет.

— Мог бы из вежливости не соглашаться.

— Тогда бы ты продолжила.

Не выдерживаю и смеюсь.

Марк тоже улыбается, потом достает телефон.

— Вот эта?

Включает начало песни, протягивает наушник. Беру, прикладываю к уху. Почти сразу узнаю.

— Да, она.

— Тогда название запомни.

— Лучше пришли. У меня память на такие вещи плохая.

— Хорошо.

Он находит меня в школьном чате. Телефон в моей сумке коротко вибрирует.

Все оказалось даже проще, чем я ожидала.

Возвращаю наушник. Марк убирает оба в футляр, а я прислоняюсь к подоконнику рядом с ним. Теперь главное не замолчать сразу после первого удачного разговора.

— Ты на концерт их ходил?

— Нет. А ты?

— Тоже нет. Но хотела бы.

На самом деле до этой минуты я об этом не думала. Впрочем, почему бы и не сходить? Песня хорошая.

— Они зимой приезжают, — говорит Марк.

— Правда?

— Вроде бы. Я афишу видел.

— Можно будет…

— Алина!

Оборачиваюсь. По коридору к нам идет Даша, старательно изображая удивление.

— Ты уже здесь?

— Как видишь.

— Ничего себе.

Подруга здоровается с Марком и останавливается рядом.

Смотрит на него, потом на меня. Очень надеюсь, что она сейчас промолчит.

К счастью, из учительской выходит математичка. Открывает кабинет, и мы идем внутрь.

Даша придерживает меня за рукав.

— Не спалось?

— Даже не начинай.

— Я еще ничего не сказала.

— Вот и не говори.

Она улыбается, но отпускает.

***

Новую рассадку Елена Викторовна успела передать остальным учителям.

На доске висит листок с фамилиями, и надежды у тех, кто вчера собирался тихо вернуться на прежние места, быстро заканчиваются. Математичка сразу предупреждает, что менять ничего не нужно.

Марк садится рядом, достает тетрадь. Я убираю телефон, предварительно сохранив присланную песню.

Нужно будет вечером послушать еще что-нибудь у этой группы. Чтобы в следующий раз не пытаться изображать мелодию и не выглядеть глупо.

— Сегодня посмотрим, что у вас осталось в головах после лета, — сообщает Ольга Сергеевна, поворачиваясь к доске.

По классу проходит недовольный вздох.

— Ничего страшного. Небольшая самостоятельная рабо-

та.

— На оценку? — спрашивает Леша.

— Смотря как напишете.

Это у нее любимый ответ. Если все справятся хорошо, оценки поставит. Если плохо — тоже поставит, но сначала скажет, что мы ее огорчили.

Нам дают несколько заданий на повторение.

Открываю тетрадь и быстро просматриваю условия. Первое простое, второе тоже. В третьем нужно аккуратно разобраться с ограничениями, но мы такое решали весной.

Рядом Марк уже пишет.

Я тоже принимаюсь за работу. Минут через пятнадцать остается последняя задача. Решение вижу почти сразу, но останавливаюсь, не дописав первую строчку.

Можно спросить у него.

Не списать. Просто попросить подсказать, как лучше начать. Ольга Сергеевна как раз отвернулась к Леше, который с выражением глубокой несправедливости смотрит на свою тетрадь.

Немного наклоняюсь к Марку.

— Слушай, а здесь через замену?

Он переводит взгляд на мое решение.

— Можно через замену.

— А без нее?

Марк смотрит внимательнее.

— У тебя уже без нее начато.

— Я не уверена, что правильно.

Он берет мою тетрадь за угол, слегка поворачивает к себе. Проверяет написанное, затем возвращает.

— Правильно. Дальше раскладывай.

— Покажешь?

Воронцов несколько секунд смотрит на меня.

Не сердито. Скорее с недоумением.

— Ты вторую сделала?

— Да.

— Там сложнее.

— И что?

— Ничего. Эту тоже сделаешь.

После этого возвращается к своей работе.

Сажусь прямо.

Ну спасибо за веру в мои способности. Очень полезно.

Быстро дописываю решение, проверяю ответ. Все сходится. Теперь даже непонятно, зачем было спрашивать. Вернее, понятно, но результат получился какой-то не тот.

В конце урока сдаем тетради. Ольга Сергеевна просматривает несколько работ и довольно кивает. Возможно, сегодняшний день не закончится для всего класса плохо.

Я убираю учебник, когда Марк негромко спрашивает:

— Ты правда не понимала, как решать?

Поворачиваюсь к нему.

— Почему?

— Ты почти все написала еще до того, как спросила.

— Хотела убедиться.

— А.

Он застегивает рюкзак.

Мне не нравится это короткое «а». Вчера тоже было. Словно человек что-то понял, а объяснять тебе не собирается.

— Что?

— Ничего.

— Марк.

Теперь он смотрит прямо на меня.

— Тебе не обязательно спрашивать про задачу, если ты ее умеешь решать.

Чувствую, как становится жарко.

Вот еще. Решил, что я ищу повод к нему пристать?

Хотя именно его я и искала.

— Я иногда сомневаюсь, — отвечаю чуть резче, чем собиралась. — Не все такие уверенные.

— Я тоже сомневаюсь.

— Не заметно.

— Просто обычно в другом месте.

Он произносит это без усмешки и встает, пропуская меня из-за парты.

В коридор выхожу недовольная.

И собой, и им.

***

Даша находит меня возле питьевого фонтанчика.

— Ну что?

— Что?

— Ты весь урок на него косилась.

— Я на часы смотрела.

Подруга поднимает брови.

Часы висят над доской. Марк сидит справа. Да, не самое удачное объяснение.

— Ладно, — вздыхаю я. — Только давай без твоих комментариев.

— Тогда мне вообще разговаривать нельзя.

Отходим к окну. Из кабинета выходят остальные, и приходится посторониться, пропуская большую компанию.

Даша ждет.

— Я хотела попросить его помочь с задачей, — признаюсь наконец.

— И?

— Он сказал, что я сама справлюсь.

Подруга начинает смеяться.

— Не вижу ничего смешного.

— Алин, ты в прошлом году Ларину полчетверти алгебру объясняла. И мне перед контрольной. Воронцов же не новый, он все это видел.

— Можно иногда чего-то не понять.

— Конечно, можно. Только зачем специально?

Отворачиваюсь к окну.

Хороший вопрос.

Потому что так проще. Попросить помощи, поблагодарить, улыбнуться. Человек чувствует, что сделал что-то полезное, и дальше разговаривать легче. Обычно это даже не приходится обдумывать.

Но Воронцов почему-то все портит.

— И что ты предлагаешь? — спрашиваю.

— Для начала не изображать, что ты глупее, чем есть.

— Я не изображала.

Даша смотрит на меня.

— Ладно. Немного.

— А потом можно просто с ним поговорить.

— Я уже говорила.

— И он выжил?

Толкаю ее локтем. Подруга снова смеется.

Несколько секунд молчим. Потом я поворачиваюсь к ней.

— Ты только никому не рассказывай, что я вчера сказала.

Улыбка у Даши становится меньше.

— Не собиралась.

— Даже в шутку.

— Алин, я поняла.

— Просто это глупо прозвучало.

— Есть немного.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Она говорит легко, но я знаю: больше никто от нее ничего не услышит. Становится спокойнее.

Вчера я погорячилась. Никакого спора нет и не будет. Я не собираюсь доказывать всему классу, что могу понравиться Воронцову. Мне и самой пока непонятно, почему это вдруг стало важно.

Наверное, хочется убедиться, что дело не во мне.

Да, звучит так себе. Но другого объяснения пока нет.

***

К литературе настроение немного исправляется.

На истории меня спрашивают первой, я отвечаю и получаю пятерку. На перемене Леша показывает смешное видео, потом жалуется на новую парту. По его словам, теперь он не может даже задуматься о постороннем, потому что Елена Викторовна сразу все замечает.

— Это потому, что ты задумчиво смотришь в телефон, — замечаю я.

— Неправда. Иногда просто под парту.

Смеемся. Он предлагает после уроков дойти вместе до остановки, и я соглашаюсь. Все равно по пути.

В кабинет литературы захожу уже после звонка, но раньше учительницы. Марк на месте, читает что-то в учебнике.

Сажусь рядом.

— Тетрадь передать? — спрашивает он, заметив, что я тянусь к своей сумке с неудобной стороны.

— Нет, я сама.

Отвечаю слишком быстро.

Он смотрит на меня, затем чуть отодвигает стул.

Вот теперь вообще прекрасно. Утром просила сделать за меня то, с чем могла справиться, а теперь отказываюсь от обычной помощи.

Достаю тетрадь и кладу на стол.

— Спасибо, — добавляю.

— За что?

— Что предложил.

Марк едва заметно улыбается.

Надеюсь, не надо мной.

Заходит Елена Викторовна, и разговор заканчивается.

Первые двадцать минут мы обсуждаем список литературы на год. Потом учительница закрывает журнал.

— Теперь о проекте к школьной неделе культуры.

Класс настораживается.

— В этом году тема — «Город в литературе». Работаете парами. Нужно подготовить небольшой маршрут по местам нашего города, связанным с писателями, книгами или литературными событиями.

— Презентацию? — уточняет Соня.

— Не только. Презентацию, карту маршрута и выступление на семь минут. Можно добавить фотографии, выдержки из писем или воспоминаний. Но не нужно переписывать первую попавшуюся статью из интернета.

Я слушаю уже внимательнее.

Это хотя бы интереснее обычного доклада. Карту можно сделать красиво, фотографии тоже. У нас в старом центре

полно мест, которые подходят для такой работы.

Поворачиваюсь к Даше.

Она тоже смотрит на меня и сразу кивает.

— Пары уже определены, — продолжает Елена Викторовна.

Очень не нравится мне начало.

— Работаете с тем, с кем сидите.

За спиной кто-то недовольно стонет.

— Опять? — вырывается у Даши.

— Дарья, тебе хочется отдельный проект?

— Нет.

— Тогда записывай требования.

Я смотрю на Марка.

Он смотрит на меня.

На этот раз хотя бы не делает вид, что ничего не произошло.

— Похоже, договорились, — негромко говорит он.

— Похоже.

Елена Викторовна объясняет сроки. Через неделю нужно показать план, через две — черновой вариант, через месяц состоится сама неделя культуры. Часть сведений можно найти в интернете, но она советует сходить в городскую библиотеку. Там есть краеведческий отдел, и библиотекари уже предупреждены, что к ним будут обращаться школьники.

Еще нужно посетить хотя бы два места из маршрута и сделать собственные фотографии.

Значит, одной встречей не обойдемся.

Опускаю глаза к тетради, чтобы Марк не заметил улыбку.

Вот и повод поговорить. Нормальный. Без задач, которые я умею решать сама.

***

Остаток урока нам разрешают потратить на обсуждение.

Сдвигаю тетрадь на середину парты.

— Можно взять старый центр. Там и дома красивые, и библиотека недалеко.

— Дома должны быть связаны с литературой, — замечает Марк.

— Я слышала.

— Тогда какие?

Задумываюсь. Название одного дома вспоминается сразу, второго — не совсем. В детстве нас водили туда на экскурсию, но я тогда больше смотрела на огромную лестницу и расписной потолок, чем слушала экскурсовода.

— Нужно проверить, — признаю. — Я точно знаю, что у нас есть несколько подходящих.

Марк кивает.

— Давай сначала найдем места, потом построим маршрут.

— А можно сначала выбрать район, чтобы не пришлось ездить через весь город.

— Тоже можно.

Я уже приготовилась спорить и даже немного теряюсь.

— Тогда старый центр?

— Давай посмотрим, что там есть.

Он поворачивает к нам телефон, открывает карту.

Наклоняюсь ближе. Наши плечи почти соприкасаются. Марк не отодвигается, но и никакой особой реакции не проявляет. Увеличивает карту, отмечает библиотеку.

От него пахнет чем-то свежим. Не резким парфюмом, как от некоторых мальчиков после физкультуры, а едва заметно. Успеваю подумать об этом и тут же раздражаюсь на себя.

Мы вообще-то проект обсуждаем.

— Вот здесь можно начать, — говорю, показывая на площадь. — От остановки близко.

— Почему не от библиотеки?

— Потому что на площади удобно собраться, а потом пройти сюда. Посмотри, получится круг. Не надо возвращаться той же дорогой.

Марк двигает карту.

— Да, так лучше.

Это короткое согласие почему-то радует сильнее, чем должно.

— Можно еще сделать не просто точки, а фотографии фасадов рядом. Чтобы понятно было, что искать.

— На карте?

— На отдельном листе. Или в телефоне, если электронный вариант.

Беру ручку и быстро набрасываю прямоугольник, намечаю маршрут и несколько небольших картинок сбоку.

Марк следит за рукой.

— Ты оформление хочешь взять?

— Могу.

— Тогда я начну с источников.

— Подожди. Если каждый будет делать только свое, получится две разные работы.

Он поднимает глаза.

— Я не собирался делать отдельно от тебя. Просто начинать все равно с чего-то нужно.

— А. Ладно.

Теперь уже я отвечаю этим раздражающим «а».

Воронцов, кажется, замечает, потому что улыбается.

Прячу улыбку, наклонившись к рисунку.

Работать с ним неожиданно удобно. Он не кивает на все подряд, но и не пытается сразу решить за двоих. Спрашивает, слушает. Если не согласен, объясняет почему.

Правда, при этом совершенно не отвлекается на то, что я сижу совсем рядом.

Даже немного обидно.

***

После уроков задерживаемся в кабинете на несколько минут, чтобы договориться о библиотеке.

Марк открывает расписание в телефоне.

— Во вторник могу после трех.

— У меня рисование.

— В четверг?

— В четверг нормально.

— Тогда в половине четвертого возле входа?

Киваю.

— Ты домой успеешь?

— Успею. А ты?

— Тоже.

Он записывает время, потом смотрит на мой набросок.

— Пришли фотографию, пожалуйста.

— Сейчас?

— Можно вечером.

Снимаю страницу на телефон и отправляю ему. В переписке пока только ссылка на песню и теперь мой кривой прямоугольник с несколькими стрелками.

Не самое романтичное начало.

Хотя с чего оно должно быть романтичным? Мы договорились делать проект.

— Ты всегда все записываешь? — спрашиваю.

— Если могу забыть.

— А без телефона как?

— В тетрадь.

Смотрю на него. Он выдерживает серьезное выражение несколько секунд, потом все же улыбается.

— Ты специально?

— Немного.

— Заметила уже.

Застегиваю сумку. Марк забирает свою, но не уходит сра-

зу.

— Слушай, насчет алгебры.

Замираю.

Только не это.

— Что?

— Я не хотел тебя задеть.

— Не задел.

Он смотрит с сомнением.

— Просто ты нормально решаешь. Если правда что-то не поймешь, спрашивай.

Несколько секунд не знаю, что ответить. Было бы легче, если бы он поддразнивал или важничал. Тогда можно было бы огрызнуться.

Но Марк, похоже, действительно решил, что обидел меня отказом.

— Хорошо, — говорю наконец. — И ты спрашивай.

— Что?

— Если что-то не поймешь.

— Договорились.

Он произносит это вполне серьезно.

Выхожу из-за парты, и мы вместе идем к двери.

Леша ждет в коридоре. Увидев нас, выпрямляется.

— Алин, ты идешь?

— Да.

Марк прощается и поворачивает к лестнице. Леша что-то рассказывает, пока мы идем следом, а я ловлю себя на том,

что смотрю на спину Воронцова.

Сегодня он разговаривал со мной гораздо больше.

Только я так и не поняла, понравилась ему хоть немного или он просто одинаково спокойно относится ко всем, кто не мешает ему заниматься своими делами.

***

Дома сначала обедаю, потом сажусь за уроки.

С алгеброй справляюсь быстро. На литературе задерживаюсь: ищу сведения для проекта. Не потому, что хочется немедленно написать Марку. Просто уже есть несколько идей, и лучше проверить их, пока не забыла.

Один из домов, который я вспоминала, оказывается вообще не связан с писателями. В нем жил известный врач. Тоже интересно, но нам не подходит.

Со вторым удачнее.

Нахожу старую фотографию, сравниваю с современной. На здании когда-то был балкон, сейчас его нет. Зато сохранились наличники и часть лепнины.

Пробую набросать фасад на отдельном листе. Сначала быстро, потом увлекаюсь и начинаю прорисовывать окна.

Телефон вибрирует.

Марк.

«Посмотрел сайт библиотеки. Краеведческий отдел в четверг работает до шести. Успеем».

Следом приходит ссылка.

Отвечаю, что хорошо, и отправляю фотографию дома.

«Этот можно взять. Там останавливался писатель, о котором она говорила».

Марк пишет не сразу.

«Да. Но лучше проверить по книге. На двух сайтах разные даты».

Открываю ссылки, которые он прислал. Действительно разные.

«Проверим».

Можно на этом закончить. Мы все обсудили.

Смотрю на экран еще немного, потом набираю:

«Песню послушала».

Ответ приходит почти сразу.

«Ту, которую ты знала?»

Улыбаюсь.

«И несколько других. Не придирайся».

«Какая понравилась?»

Вот теперь вопрос задает он.

Открываю список, нахожу название и отправляю. Марк отвечает, что еще есть другая версия, с живого выступления. Присылает еще одну ссылку.

Включаю.

Пока играет музыка, продолжаю рисовать дом. Минут через десять замечаю, что улыбаюсь без всякой причины.

Нет, причина как раз есть.

Мы нормально поговорили. В школе, после уроков, теперь еще и здесь. Значит, вчерашнее равнодушие ничего не озна-

чает. Нужно было просто найти подход.

Откладываю карандаш.

Подход.

Почему-то слово не нравится.

Он ведь не задача на алгебре, которую нужно решить определенным способом. У него есть свои дела, музыка, тренировки. Что-то ему нравится, что-то нет. Он может спокойно отказаться от кафе и при этом не пытаться никого обидеть.

И еще он заметил, что я могла решить тот пример сама.

Не знаю, хорошо это или плохо.

Телефон снова загорается.

«Ты сама рисовала схему?»

«Да. А что?»

«Может, на обложку тоже твой рисунок поставим? Вместо фотографии».

Смотрю на лежащий передо мной лист с фасадом.

Я как раз об этом думала.

«Можно попробовать».

Отправляю сообщение, потом, немного поколебавшись, фотографирую рисунок дома.

На этот раз ответ приходится ждать дольше. Успеваю рассмотреть снимок и пожалеть, что не убрала из кадра ластик и испачканную карандашом ладонь.

«Вот так и сделаем. Только сначала найдем правильный дом».

Смеюсь и качаю головой.

Ну да. Пока я рисовала, совсем забыла, что сведения еще нужно проверить.

«Этот уже жалко выкидывать».

«Оставь для следующего проекта».

Хочется спросить, почему он считает, что у нас будет следующий. Но это прозвучит странно, поэтому просто отправляю улыбающийся смайлик.

Марк больше не пишет.

Наверное, занят. Или разговор закончился. Не нужно каждый раз искать в этом какой-то смысл.

Откладываю телефон и возвращаюсь к рисунку. Через минуту ловлю себя на мысли, что хочу спросить у него про плавание. Давно ли занимается, нравится ли соревноваться. И почему выбрал именно его.

Не для того, чтобы похвалить.

Мне действительно интересно.

Смотрю на телефон, но брать его не спешу. Спрошу завтра. Все равно сидим рядом.

Пожалуй, Елена Викторовна не так уж плохо придумала с этой рассадкой.

Глава 3. По ту сторону фамилии

В четверг я выхожу из дома раньше, чем нужно.

Не специально. Просто быстро пообедала, переоделась и собрала сумку. Сидеть еще двадцать минут и смотреть на часы никакого смысла нет. Лучше спокойно дойти до остановки, а если приеду раньше, загляну в библиотеку.

На улице тепло. Куртку можно было не брать, но возвращаться уже лень. Перекидываю ее через руку и проверяю телефон.

Сообщений от Марка нет.

Да и о чем ему писать? Утром мы еще раз договорились о времени. В половине четвертого возле входа. Все понятно, уточнять нечего.

Даша, правда, успела поинтересоваться, почему я еду домой, а не остаюсь ждать после уроков вместе с ним.

Потому что до встречи два часа. Потому что хочется нормально поесть. И вообще, с чего бы мне за ним ходить?

На это подруга только кивнула. Ее понимающий вид начинает раздражать сильнее вопросов.

До библиотеки добираюсь за пятнадцать минут до назначенного времени. Марк уже стоит возле ступеней. В одной руке телефон, в другой небольшая бутылка воды. Заметив меня, убирает телефон в карман.

— Привет, – здоровается он со мной.

— Мы сегодня уже виделись.

— Тогда второй раз привет.

Улыбаюсь и подхожу ближе.

— Ты давно?

— Только пришел.

Никакого рюкзака, только тонкая сумка через плечо. Темные джинсы, серая футболка. В школе он почти всегда в рубашках, и сейчас выглядит немного непривычно.

Впрочем, хорошо выглядит, ему идет.

— Пойдем? — спрашивает он.

Киваю и поднимаюсь по ступеням.

Дверь оказывается тяжелой. Я успеваю потянуть ее на себя, но Марк придерживает край и пропускает меня вперед.

Внутри прохладно и тихо. После улицы даже слишком. Возле стойки сидит женщина в очках, на столе перед ней лежит раскрытый журнал.

Она объясняет, как оформить разовый пропуск, и просит показать паспорта.

Я достаю свой сразу. Марк некоторое время ищет в сумке.

— Забыл? — спрашиваю.

— Нет. Положил в другой карман.

Наблюдаю, как он проверяет еще одно отделение.

— А я думала, у тебя все по местам.

— Обычно так и есть.

— Значит, сегодня необычный день.

Он наконец находит паспорт и протягивает библиотекарю.

— Уже заметил.

Смотрю на него, пытаясь понять, относится ли это ко мне. Но Марк спокойно слушает объяснения женщины и никаких подсказок не дает.

***

Краеведческий отдел находится на втором этаже.

Там нас уже ждут. Пожилая библиотекарь представляется Ириной Павловной, спрашивает, от Елены Викторовны ли мы, и сразу ведет к столу, на котором лежат несколько книг.

— Ваша учительница сказала, что придут школьники. Я кое-что отобрала. Но сначала расскажите, что именно вам нужно.

Объясняю про маршрут. Марк достает листок с адресами и кладет перед ней.

Ирина Павловна внимательно его изучает.

— Вот этот дом сразу убирайте. – указала она пальцем на один из них.

Я смотрю на адрес. Тот самый, который уже успела нарисовать.

— Почему?

— Там жил однофамилец. Ошибка давно гуляет по интернету. Иногда исправляют, потом снова кто-нибудь переписывает.

Медленно поворачиваюсь к Марку.

Тот смотрит на меня.

— Даже не начинай, — предупреждаю шепотом.

— Я молчу.

По лицу видно, что молчит с трудом.

Ирина Павловна переводит взгляд с одного на другую, но ничего не спрашивает. Вычеркивает адрес и вписывает другой.

— А здесь действительно останавливался писатель. Правда, нынешнее здание перестроено. От старого дома почти ничего не осталось.

— Совсем? — уточняю.

— Фундамент, часть стен. Фасад уже другой.

Смотрю на список без прежнего удовольствия. Самые красивые места, похоже, придется убрать. А вместо них брать обычные здания, мимо которых пройдешь и не заметишь.

Марк наклоняется ко мне.

— Можно показать, что было раньше и что осталось сейчас.

— Для этого нужна старая фотография.

— Найдем.

Он говорит так уверенно, что я перестаю жалеть свой рисунок. В конце концов, нарисую другой. Не первый и не последний.

Ирина Павловна показывает, в каких книгах искать сведения, объясняет правила фотографирования страниц и оставляет нас работать.

Усаживаюсь возле окна. Марк занимает соседний стул,

раскладывает тетрадь, телефон и карандаш.

— Предлагаю разделить, — говорит он. — Ты эти два адреса, я остальные.

— Почему мне два, а тебе три?

— Потому что ты еще оформление делаешь.

— Мы сейчас не оформляем.

Он смотрит на меня, затем придвигает одну из книг.

— Хорошо. Бери самый сложный.

— Почему сразу сложный?

— Ты же хочешь справедливости.

Улыбаюсь и забираю книгу.

— Хочу. И между прочим, я быстро читаю.

— Тогда тем более.

***

Первые полчаса мы действительно работаем молча.

В книге, которая досталась мне, сведений оказывается много, но почти все не по нашей теме. Длинные описания владельцев домов, даты перестроек, какие-то споры из-за земли. Нужный человек упоминается ближе к середине.

Нахожу фамилию и придвигаю книгу поближе, внимательно вчитываясь в написанное там. Есть! Приезжал в город, выступал, несколько дней жил у знакомых. Даже сохранилось письмо, где он описывает комнату и вид из окна.

— Смотри, — поворачиваю книгу к Марку. — Вот это можно взять.

Он читает указанный абзац.

— Да. Только весь кусок не надо. Два предложения хватит.

— Почему? Тут интересно.

— У нас семь минут.

— Это же не значит, что нужно оставить одни даты.

Марк откладывает карандаш.

— Не значит. Но если на каждом месте говорить по пять минут, получится и близко не семь.

— Можно сократить вступление.

— Которое мы еще не написали?

— Тем более. Ничего не потеряем.

Он смотрит на меня и вдруг улыбается.

— Ладно. Отмечай. Потом выберем.

Возвращаю книгу к себе и делаю выписку.

Еще минут через десять Марк показывает мне фотографию здания. Не того, которое нужно, а соседнего. На заднем плане виден маленький кусочек нужного фасада.

— Подойдет?

Наклоняюсь к странице.

— Может быть. Если увеличить, качество будет плохое.

— Зато видно балкон.

— Там не балкон. Козырек над входом.

Он присматривается.

— Точно?

— Да. Видишь опоры? И ограждения нет.

Марк молчит несколько секунд, потом поворачивает кни-

гу еще немного.

— Действительно.

Почему-то приятно, что он не пытается спорить просто так.

Мы идем к Ирине Павловне. Она находит другой альбом, потом еще один. Нужная фотография обнаруживается почти сразу. На ней дом виден полностью.

Я осторожно придерживаю страницу, а Марк снимает на телефон.

— Подожди. Блик.

Он меняет угол.

— Теперь?

— Еще чуть левее.

— Так?

— Да. Только край не обрезай.

— Алина, я вижу.

— Я тоже вижу, что ты его обрезаешь.

Марк опускает телефон и смотрит на меня. Сначала серьезно. Потом оба начинаем улыбаться.

Ирина Павловна поднимает голову от своих бумаг.

Мы сразу замолкаем.

Марк делает снимок и показывает мне.

— Принимается?

Рассматриваю фотографию с нарочито придирчивым видом.

— Ладно. Для первого раза неплохо.

— Спасибо.

Возвращаемся к столу. Теперь работать почему-то веселее.

***

К половине пятого у нас есть три подтвержденных адреса, несколько фотографий и слишком много заметок.

Марк предлагает сделать таблицу: место, связь с писателем, источник, что показываем. Я сначала считаю это лишним, но через десять минут приходится признать, что так удобнее.

Выясняется, что по одному дому у нас почти ничего нет, зато по другому набрано столько, что хватит на отдельное выступление.

— Вот поэтому и нужно было распределить, — говорит Марк.

— Я поняла.

— Не обиделась?

Поднимаю на него глаза.

— Почему я должна обижаться?

— Ты перестала спорить.

Тянусь за карандашом и случайно задеваю его руку. Совсем легко, только пальцами. Марк отодвигает ладонь, освобождая место, а я зачем-то поправляю лежащую передо мной тетрадь.

— Я спорю, когда есть о чем, — отвечаю.

— Учту.

Его телефон начинает вибрировать.

Марк смотрит на экран, и улыбка пропадает почти сразу.

— Я выйду на минуту.

Киваю и возвращаюсь к книге.

Он поднимается, проходит между столами и выходит в коридор. Дверь закрывается не до конца.

Сначала я не обращаю внимания. Выписываю дату, проверяю номер страницы. Потом понимаю, что в ссылке ошиблась на один год. Нужно исправить, пока не забыла.

Ластика на столе нет.

Вспоминаю, что оставила его возле альбома, когда мы фотографировали дом. Иду забрать и уже у двери слышу голос Марка.

— Я в библиотеке.

Останавливаюсь возле небольшого стола, на котором лежит альбом. Ластик действительно здесь.

— Нет, не один. Мы делаем школьный проект.

Беру ластик. Нужно вернуться на место, но в этот момент Марк продолжает:

— Я говорил утром.

Голос у него спокойный. Только совсем не такой, каким он разговаривал со мной.

Пауза.

— Пап, я не менял планы. У нас встреча была назначена на сегодня.

Смотрю на дверь. В щель видно часть коридора и руку

Марка, лежащую на перилах. Он проводит большим пальцем по краю телефона.

— Да, я помню про преподавателя. В семь.

Еще пауза, на этот раз длиннее.

— Алина Соколова. Из моего класса.

Слыша свое имя, замираю.

Почему его отец спрашивает, с кем он находится? Мы не в каком-то сомнительном месте. В библиотеке. Днем.

— Да, по литературе.

Марк замолкает, слушая.

Мне становится неловко. Я вообще не должна здесь стоять.

Разворачиваюсь и иду к нашему столу. Сажусь, открываю тетрадь, начинаю стирать неправильную дату. Слишком усердно, потому что бумага сразу становится тоньше.

Через минуту возвращается Марк.

Убирает телефон в сумку, не на стол, как раньше.

— Продолжим?

— Да.

Он берет книгу и несколько секунд смотрит в раскрытую страницу, ничего не читая.

Это заметно. До звонка он постоянно что-то отмечал, сравнивал, показывал мне. Сейчас просто сидит.

— Нам еще этот адрес проверить, — говорю, придвигая к нему список.

— Сейчас.

Листает страницы, находит нужную и снова принимается за работу.

Я тоже опускаю глаза.

Спрашивать не буду. Он сам ничего не рассказал, значит, не хочет.

Но почему-то все время вспоминаю его короткое: «Я говорил утром».

***

Из библиотеки выходим после пяти.

Собранных материалов хватит на половину проекта. Ирина Павловна обещает поискать еще одну книгу к следующей неделе и просит заранее написать, когда мы придем.

На ступеньках Марк останавливается, проверяя телефон.

— Тебе на автобус? — спрашивает он.

— Да. Но я хотела еще до того дома дойти. Он же недалеко.

Показываю рукой в сторону центра.

— Сегодня?

— Пока светло, можно посмотреть, откуда фотографировать. Внутрь все равно не попадем.

Марк смотрит на время.

— Пойдем.

— Тебе не нужно домой?

— Пока нет.

Идем по улице, стараясь держаться в тени. Я не сразу нахожу, что сказать. В библиотеке разговор получался сам со-

бой, там были книги, фотографии, спорные адреса. Сейчас мы просто идем рядом, и почему-то снова приходится думать.

— Ты к репетитору потом? — спрашиваю.

Марк поворачивает голову.

Понимаю, что выдала себя.

— Я немного слышала. Когда за ластиком ходила, — объясняю. — Не специально.

— Ничего.

Он смотрит вперед.

— Английский.

— Дополнительно?

— Да. Два раза в неделю.

— И плавание?

— Три.

— А отдыхать когда?

Марк пожимает плечами.

— Успеваю.

Не очень похоже, но спорить не стану.

Некоторое время идем молча. Потом он спрашивает:

— А ты рисованием давно занимаешься?

— С пятого класса. Только сначала в студию ходила, а сейчас к преподавателю. У нее маленькая группа, нас четверо.

— Нравится?

— Да. Хотя натюрморты уже надоели. Хочется что-нибудь свое рисовать, а мы то чайник, то кувшин.

— Для поступления?

— Возможно.

Он смотрит на меня внимательнее.

— Ты еще не решила?

Качаю головой.

— Вроде хочу что-то с дизайном. Но не уверена. Мне нравится придумывать комнаты, дома. А вдруг на самом деле это совсем другая работа и я просто не понимаю?

— Можно узнать.

— У кого?

— У человека, который этим занимается.

— Логично, — улыбаюсь. — Осталось найти человека.

Марк тоже улыбается, но ничего не обещает. И хорошо. Было бы странно, если бы он сейчас заявил, что все устроит.

У Воронцовых, наверное, достаточно знакомых. О том, чем занимается его отец, в классе знают все. Несколько лет назад фамилия Марка даже висела на стенде возле нового спортивного зала. Вернее, фамилия была отцовская, но разницы для одноклассников никакой.

Сам Марк об этом не говорил. Когда Леша однажды пошутил, что теперь ему должны ставить пятерки за семейный вклад в образование, Воронцов просто спросил, какая связь между ремонтом и его оценками.

Помнится, дальше шутка не пошла.

— Родители не торопят? — спрашивает он.

— Торопят. Но не очень. Мама каждый раз говорит, что

выбор мой, а потом присылает очередной список профессий.

— Каких?

— Разных. Недавно был ландшафтный архитектор. До этого промышленный дизайнер. Папа считает, что главное — уметь зарабатывать, а остальное неважно.

— Удобно.

— Что?

— Когда неважно.

Поворачиваюсь к нему, но Марк смотрит на дорогу.

— У тебя не так?

Он немного медлит.

— Отец считает, что я должен выбрать управление. Или экономику, но с определенной программой.

— А ты?

— Я пока разбираюсь.

Ответ почти такой же, как в школе. Только сейчас он произносит его не мне. Скорее самому себе.

Спрашивать дальше не хочется. Точнее, хочется, но я чувствую, что не надо.

— У нас дома вчера полчаса спорили, где лучше поставить новый стеллаж, — говорю. — Так и не решили. Мама хочет возле окна, папа — в гостиной. Я предложила сначала его купить.

Марк поворачивается ко мне.

— И как?

— Сказали, что я мешаю обсуждать.

Он смеется.

Наконец-то.

Рассказываю, как папа пытался измерить свободную стену рулеткой, а мама в это время показывала ему совсем другую мебель на телефоне. Потом выяснилось, что они вообще говорят о разных стеллажах.

Марк слушает и время от времени задает вопросы.

— Вы всегда так выбираете?

— Обычно хуже. На прошлой неделе покупали шторы. Я больше не пойду.

— Почему?

— Потому что бежевый оказался не просто бежевым. Их там штук двадцать.

— И все неправильные?

— Именно.

Он улыбается, а я вдруг понимаю, что ни разу не слышала, как Марк рассказывает что-нибудь похожее о своей семье.

***

Нужный дом оказывается за углом.

Небольшой, двухэтажный, с магазином на первом этаже. Подходим к нему с противоположной стороны улицы и некоторое время сравниваем с фотографией в телефоне.

— Окна другие, — говорю.

— И дверь перенесли.

— Зато верх сохранился.

Марк поднимает голову.

Я тоже смотрю наверх. Под карнизом видны остатки лепнины. Если отойти немного левее, в кадр не попадет вывеска магазина.

Пробую сфотографировать, но мешает припаркованная машина.

— Давай с той стороны, — предлагаю.

Обходим перекресток. Делаю еще несколько снимков, затем показываю Марку.

Он листает фотографии.

— Этот лучше.

— Здесь провод.

— Зато весь дом.

— Провод можно убрать.

— С улицы?

Смотрю на него и начинаю смеяться.

— С фотографии, Воронцов.

— Тогда убирай.

Забираю телефон. Он улыбается, глядя на меня, и я неожиданно забываю, что хотела проверить следующий снимок.

Вблизи у него глаза светлее, чем кажутся издалека. И когда он улыбается вот так, без привычной сдержанности, говорить становится немного сложнее.

Опускаю взгляд первой.

— Нужно будет прийти утром. Свет лучше.

— В выходной?

— Можно.

— Тогда напишем друг другу.

Киваю, все еще разглядывая экран.

Теперь у нас есть еще одна встреча. Даже придумывать ничего не пришлось.

И почему-то радуюсь я уже не тому, что все получается по задуманному.

***

До остановки идем другой дорогой.

Проходим мимо строительного магазина, потом небольшой кофейни. Я смотрю на часы. Дома успею и поесть, и доделать английский.

— Ты в эту сторону? — спрашиваю.

— Мне на следующем перекрестке.

— Тогда можешь здесь повернуть. Я сама дойду.

— Я знаю.

Продолжаем идти.

Некоторое время молчу, потом решаю спросить:

— А тебе самому плавание нравится? Или тоже нужно?

Марк смотрит на меня.

— Нравится.

— Соревноваться?

— Не только. Когда плывешь, никто не разговаривает.

Сначала думаю, что он шутит. Но лицо у него спокойное.

— Я бы через десять минут заскучала, — признаюсь.

— Поэтому мы и не плаваем вместе.

— Ты меня еще не видел. Может, я очень быстро плаваю.

— Может быть.

По голосу слышно, что не верит.

— Ладно, не очень, — сдаюсь. — Зато уверенно держусь у бортика.

Он смеется.

На остановке людей немного. Проверяю приложение: мой автобус через четыре минуты.

— Тогда до завтра, — говорю.

— До завтра.

Марк уже собирается уходить, но вдруг оглядывается на магазин позади нас.

— Там у стены можно поставить.

— Что?

— Стеллаж. Который ты рисовала в первый день. Он узкий, возле окна не должен мешать.

Несколько секунд смотрю на него, не понимая.

Потом вспоминаю свой рисунок в тетради. Окно, кресло, столик. И узкие полки сбоку, которые добавила позже.

— Ты запомнил?

— Ты говорила, что дома места мало.

Я действительно говорила. Вчера на перемене, когда мы обсуждали оформление. Между делом, даже не думая, слушает ли он.

— Нужно только размеры проверить, — добавляет Марк.

— Да.

Больше ничего толкового сказать не получается.

Он кивает на дорогу.

— Твой?

К остановке подъезжает автобус.

— Мой.

— Тогда пока.

Поднимаюсь по ступенькам, прикладываю карту и прохожу к окну. Марк уже идет к перекрестку.

Сажусь и ставлю сумку на колени.

Он запомнил.

Не блузку, не волосы, не то, как я пыталась улыбаться ему утром. Какую-то мелочь, о которой я сама почти забыла.

Смотрю в окно, пока автобус отъезжает от остановки.

От этого простого замечания почему-то теплее, чем от Лешиных комплиментов.

***

Дома мама сразу спрашивает, как прошла встреча.

— Нормально. Много нашли.

— С кем ты делала? С Дашей?

— С Марком. Нам пары назначили.

Мама кивает и возвращается к плите.

— Есть будешь?

— Через минуту.

Ухожу в комнату, выкладываю на стол тетрадь и распечатки. На одном листе почерк мой, на другом — Марка. Он записывал аккуратно, но под конец тоже начал сокращать сло-

ва так, что теперь придется уточнять.

Открываю переписку.

Можно отправить фотографии дома. Спросить про одно непонятное сокращение. Или еще раз поблагодарить за библиотеку, хотя благодарить вроде бы не за что — мы делали общую работу.

Печатаю:

«Сегодня хорошо поработали».

Смотрю на сообщение и стираю.

Слишком похоже на отчет Елене Викторовне.

Пробую снова:

«Ты оказался не таким скучным, как я думала».

Нет. Это вообще звучит так, будто я делаю ему одолжение.

Убираю телефон и иду ужинать.

За столом папа рассказывает про какого-то своего коллегу, мама перебивает, потому что знает эту историю лучше. Они спорят о подробностях, потом оба смотрят на меня, ожидая реакции.

Я улыбаюсь с опозданием.

— Устала? — спрашивает мама.

— Немного.

На самом деле я вспоминаю Марка в коридоре библиотеки. То, как он спокойно повторял отцу, где находится. И как потом несколько секунд смотрел в книгу, не переворачивая страницу.

А еще — его ответ про плавание.

Когда никто не разговаривает.

После ужина возвращаюсь в комнату. Телефон лежит там же, где я его оставила.

Новых сообщений нет.

Сажусь за стол, открываю переписку и на этот раз не пытаюсь придумать ничего особенного.

«Мне сегодня было с тобой интересно. И в библиотеке, и потом».

Перечитываю.

Можно добавить что-нибудь про проект, чтобы не выглядело слишком лично.

Не добавляю.

Нажимаю отправить и сразу кладу телефон экраном вниз.

Сердце стучит быстрее, хотя ничего такого я не написала. Просто правду. Мы нормально провели время, и я могу об этом сказать.

Открываю учебник английского.

Читаю первое предложение. Потом еще раз.

Телефон молчит.

Беру ручку, записываю номер упражнения. Вспоминаю, что у Марка сейчас занятие. Значит, он может не ответить еще час. Или два. Ничего страшного.

Переворачиваю телефон.

Сообщение пока не прочитано.

Возвращаю его на стол и пытаюсь заниматься. Получается плохо. Все время кажется, что экран загорелся, хотя это

всего лишь отражение настольной лампы.

Минут через двадцать приходит ответ.

«Мне тоже. Особенно когда ты разрешила мне сфотографировать дом».

Улыбаюсь и уже собираюсь возразить, что он опять все преувеличивает, но появляется еще одно сообщение.

«С тобой не скучно, Алин».

Смотрю на него дольше, чем нужно.

Потом набираю:

«С тобой тоже».

И только отправив, понимаю, что за весь вечер ни разу не вспомнила, что собиралась влюбить его в себя.

Глава 4. После уроков

В понедельник выясняется, что на ближайшие две недели у школы появились большие планы.

Я узнаю об этом не от Елены Викторовны, а от Даши, которая встречает меня возле кабинета с двумя булочками и очень недовольным лицом.

— Держи, — протягивает она одну.

— Зачем?

— Пока можешь спокойно поесть. Потом начнется.

Смотрю на булочку, затем на подругу.

— Что начнется?

— Праздник. Нашей школе опять сколько-то лет.

— Сорок пять.

— Вот. И по этому поводу мы должны радоваться.

Булочка еще теплая. Отламываю кусочек и иду рядом с Дашей.

— А что нужно делать?

— Пока не знаю. Елена Викторовна сказала, чтобы после уроков никто не расходился.

— У меня рисование.

— У меня тоже были планы.

— Какие?

— Не оставаться после уроков.

На это спорить не о чем.

В кабинете уже почти весь класс. Марк сидит на своем месте, что-то читает в телефоне. Поднимает голову, когда я подхожу.

— Привет.

— Привет. Ты про праздник знаешь?

— Знаю.

— И что думаешь?

— Что до тренировки еще успею.

Сажусь, кладу сумку на соседний край парты и достаю тетрадь.

С того дня, как мы вместе ходили в библиотеку, разговаривать с ним стало проще. Уже не нужно каждый раз придумывать вопрос. Иногда он сам что-нибудь рассказывает, иногда спрашивает. Вчера, например, прислал фотографию здания, мимо которого проезжал. Решил, что оно подойдет для нашего маршрута.

Не подошло. Зато мы минут двадцать обсуждали, почему на старых фотографиях город выглядит совсем иначе, хотя многие дома остались.

Даше я об этом не рассказывала.

Она и без того слишком внимательно наблюдает, стоит нам с Марком о чем-нибудь заговорить.

— Будешь? — спрашиваю, протягивая оставшуюся половину булочки.

— Нет, спасибо.

— Она с корицей.

— Я понял.

— Ну как хочешь.

Заворачиваю ее в салфетку. Потом доем.

Заходит Елена Викторовна, и разговоры сразу становятся тише.

Сначала она разбирается с обычными делами, затем закрывает журнал.

— Теперь о юбилее школы.

Даша за моей спиной тяжело вздыхает.

Я стараюсь не улыбаться.

***

К концу обсуждения выясняется, что радоваться нам действительно придется с пользой.

Наш класс отвечает за небольшую выставку в холле возле актового зала. Старые фотографии школы, несколько стендов, подписи, оформление. Кроме того, нужно подготовить короткое выступление и помочь на репетиции.

— У нас же проект, — напоминает Ларин.

— Проект остается, — спокойно отвечает Елена Викторовна. — Это разные задачи.

— А экзамены?

— Особенно приятно, Сергей, что ты вспомнил о них именно сейчас.

Несколько человек смеются.

Я просматриваю фотографии, которые учительница передает по рядам. На одной вместо привычного спортивного за-

ла пустырь. На другой возле крыльца стоят ученики в форме, девочки с огромными бантами.

— Смотри, здесь клумбы другие, — говорю Марку.

Он наклоняется ближе.

— И входа сбоку нет.

— Его позже пристроили.

Переворачиваю снимок. На обратной стороне карандашом написан год.

В голове постепенно складывается, как можно все сделать. Не просто приклеить фотографии на ватман, а показать, как школа менялась. Старые снимки, рядом современные, между ними короткие подписи. Можно добавить небольшие рисунки — окна, крыльцо, деревья во дворе.

— Алина? — зовет Елена Викторовна.

Поднимаю голову.

— Ты готова заняться оформлением?

— Да. Только нужно понять, что у нас есть из материалов.

— После уроков посмотришь вместе с ребятами.

Потом распределяют остальные обязанности. Даша берет подписи, Соня — выступление. Мальчишек просят перенести стенды из кладовой.

Марк записывает что-то в тетрадь.

— А ты что делаешь? — спрашиваю.

— Пока таскаю тяжелое.

— Полезный навык.

— Обращайся.

Улыбаюсь и возвращаюсь к фотографиям.

Вообще-то это может получиться красиво.

***

После уроков нас ведут в маленькую комнату за актовым залом.

Там хранят все, что когда-нибудь использовалось на школьных праздниках. Коробки с гирляндами, рулоны ткани, бумажные звезды, какие-то палки, искусственные цветы. Возле стены стоит картонный корабль с оторванным парусом.

— Это с какого года? — спрашивает Леша.

— С твоего пятого класса, — отвечает Елена Викторовна.

— Хорошо сохранился.

Он трогает край борта. Картон с хрустом сгибается.

— Теперь хуже, — замечает Марк.

Разбираем материалы. Нормальной бумаги мало, клей почти закончился, зато скотча хватает. Есть три больших листа плотного картона и деревянные рамы, на которые можно закрепить оформление.

Предлагаю не делать отдельные маленькие плакаты, а собрать одну выставку из трех частей. Слева — старая школа, справа — современная, посередине — общий заголовок и фотографии разных выпусков.

Елена Викторовна соглашается.

Остальные тоже не возражают. Даша даже говорит, что будет хорошо.

Я расправляю на столе большой лист и начинаю набрасывать расположение.

Поначалу все работают охотно. Леша с Лариным приносят рамы, Соня сортирует фотографии, Даша составляет подписи. Марк измеряет стенды и записывает размеры.

Потом Елену Викторовну вызывают к завучу.

Еще через десять минут Соне нужно уходить на репетицию. Ларин вспоминает про врача. Леша остается, но его отправляют переставлять стулья в актовом зале.

— Я скоро, — обещает он.

Даша тоже собирается.

— Мне к ортодонту, я говорила.

— Помню.

— Ты точно справишься?

— Да. Тут только разложить все.

Она смотрит на стол, где почти ничего еще не готово.

— Я вечером подписи доделаю и пришлю.

— Хорошо.

Провожаю ее взглядом и снова наклоняюсь над листом.

Ничего страшного. Я сама согласилась. К тому же когда никто не отвлекает, получается быстрее.

— Линейку дать? — спрашивает Марк.

Поднимаю голову.

Я почему-то думала, что он ушел вместе с мальчишками.

— Дай.

Он протягивает длинную металлическую линейку.

— Ты не в зале?

— Там уже человек десять. Стульям столько внимания не нужно.

Марк садится с другой стороны стола.

— Что делать?

Показываю ему полосы бумаги.

— Нужно нарезать одинаковые прямоугольники под подписи. Только ровно.

Он берет карандаш.

— Постараюсь соответствовать.

***

Через час становится понятно, что я неправильно рассчитала время.

Сам рисунок несложный. Я делаю его в одном цвете, без мелких деталей. Но каждую фотографию нужно подобрать по размеру, проверить подпись, решить, где оставить место. То, что красиво выглядело в тетради, на большом листе оказывается слишком пустым.

Пробую передвинуть заголовок.

Теперь некрасиво внизу.

Возвращаю обратно.

Марк к этому времени заканчивает прямоугольники и начинает раскладывать фотографии.

— Может, не нужно все симметрично? — спрашивает он.

— Будет криво.

— Не криво. Просто эти три снимка можно поставить

вместе.

Он показывает.

Смотрю некоторое время и нехотя признаю:

— Так лучше.

— Тогда оставляем?

Киваю.

Из актового зала доносится музыка. Кто-то несколько раз повторяет одну и ту же строчку. Потом микрофон противно свистит, и мы оба морщимся.

— Весело у них, — замечает Марк.

— Зато недолго.

Я как раз успеваю это сказать, когда в комнату заглядывает Соня.

— Алин, тебя просят на сцену.

— Зачем?

— Посмотреть оформление. Там ткань повесили, и не очень понятно.

Смотрю на нее, затем на разложенные листы.

— Я же здесь делаю.

— Я знаю. Но сказали позвать тебя.

Приходится идти.

На сцене действительно висит ткань. Точнее, два ее куска, которые почему-то решили соединить посередине большой бумажной цифрой. Цифра держится на честном слове и слегка поворачивается от каждого движения воздуха.

Объясняю, что ее нужно закрепить снизу. Потом меня

спрашивают, какой цвет лучше выбрать для надписи. Потом выясняется, что надпись вообще некому делать.

— Я не успею, — говорю сразу. — У меня стенды.

— Там же недолго, — отвечает учительница музыки. — Несколько букв.

Несколько больших букв, которые сначала нужно нарисовать, потом вырезать, потом закрепить.

— Давайте завтра, — предлагаю.

Но завтра ей уже нужно видеть готовое оформление.

В итоге обещаю хотя бы сделать шаблон.

Когда возвращаюсь в комнату, у меня болит голова.

Марк поднимает взгляд.

— Что там?

— Еще буквы.

— Какие?

—Красивые. Большие. Срочно.

Он некоторое время смотрит на меня.

— Ты согласилась?

— А что мне было делать?

Не успевает ответить.

В комнату заходит Леша с высокой рамой в руках. За ним Ларин, который, как выясняется, уже успел вернуться от врача. Они пытаются развернуть стенд в узком проходе.

— Осторожно, здесь стол, — говорю, наблюдая краем глаза за ними.

— Видим.

Рама задевает край коробки.

Та сдвигается и толкает стакан с водой, в котором я промывала кисть.

Я успеваю только схватить ближайшие фотографии.

Вода растекается по столу и впитывается в бумагу.

Несколько секунд все молчат.

Потом Леша ставит раму и быстро хватает салфетки.

— Черт. Алин, прости.

Смотрю на лист.

Тот самый, на котором уже готова большая часть рисунка. По нижнему краю расползается серое пятно. Бумага темнеет, выгибается волной.

— Подними, — говорит Марк.

Не сразу понимаю, что он обращается ко мне.

Он сам берет лист за два угла и переносит на соседний стол. Леша вытирает воду.

— Фотографии целы? — спрашивает Ларин.

Киваю.

С ними все нормально. Они лежали на другом краю.

А рисунок испорчен.

***

Елена Викторовна возвращается, когда мы заканчиваем убирать.

Выслушивает объяснения, смотрит на мокрый лист и устало вздыхает.

— Я же просила убрать все лишнее со стола.

— Это моя вода, — говорю.

— Вижу, Алина. Рядом с фотографиями не должно быть никаких стаканов.

Хочется ответить, что фотографии я спасла. Что стакан стоял далеко и вообще я рисовала. Но Леша начинает оправдываться, учительница его перебивает, и я замолкаю.

— До завтра исправите, — говорит она. — Утром придет завуч, нужно будет показать хотя бы общий вид.

— Исправим, — отвечает Марк.

Я смотрю на него.

Мы ничего еще не решили.

Елена Викторовна уходит на репетицию. Леша снова извиняется, предлагает принести бумагу из кабинета черчения. Ларин идет вместе с ним.

Я стою возле стола и трогаю сухой угол листа.

Можно обрезать низ. Но тогда пропадет половина фасада.

Можно наклеить сверху другую бумагу. Будет видно.

Можно сделать заново.

На это уйдет еще часа полтора, а может, больше.

— Давай сначала уберем все, что не намокло, — говорит Марк.

— Я вижу.

Отвечаю резко и сразу жалею.

Он не спорит. Просто собирает фотографии в папку.

Сажусь на стул. Смотрю на испорченный рисунок, и перед глазами неожиданно начинает расплываться.

Только этого не хватало.

Отворачиваюсь к окну, делая вид, что ищу что-то в сумке.

Плакать из-за листа бумаги глупо. Особенно когда рядом сидит человек, перед которым я вообще-то собиралась выглядеть уверенной и интересной, а не уставшей девицей, которая не может организовать школьный стенд.

— Алин.

— Сейчас.

Голос получается не такой, как нужно.

Я слышу, как Марк отодвигает стул. Жду, что он начнет говорить, будто ничего страшного не произошло. Или что все и так хорошо.

Вместо этого передо мной оказывается бутылка воды.

— Попей.

Смотрю на нее.

— Только не ставь рядом с рисунком, — добавляет он.

Фыркаю раньше, чем успеваю сдержаться. Потом все-таки беру бутылку.

Марк садится на край соседнего стола.

Некоторое время молчим.

— Я не из-за воды, — говорю наконец.

— Понял.

— Просто все думают, что это быстро. Нарисовать, вырезать, подписать. Как будто оно само делается.

Он кивает.

— А я еще согласилась на буквы.

— От них можно отказаться.

— Я уже обещала.

— Ты обещала до того, как это случилось.

Поворачиваю бутылку в руках.

Он прав. Только почему-то сама я об этом не подумала.

***

Бумагу мальчишки находят.

Два больших листа, немного плотнее прежнего. Леша предлагает остаться, но почти сразу ему звонит мать. По разговору понятно, что дома его уже ждут и не первый раз.

— Иди, — говорю. — Правда. Мы разберемся.

— Я завтра все повешу.

— Хорошо.

После их ухода в комнате становится совсем тихо. Репетиция в зале тоже заканчивается. Последние ученики пробегают по коридору, хлопает дверь.

Смотрю на время.

— Марк, у тебя тренировка.

— Сегодня не успею.

— Ты же не хотел пропускать.

Вспоминает наш разговор про кафе, потому что чуть улыбается.

— Не хотел.

— Тогда иди. Я сама доделаю.

Он смотрит на мокрый лист, затем на новый.

— Одна ты будешь делать дольше.

— Это не твоя обязанность.

— А чья?

Не нахожусь что ответить.

Марк достает телефон, печатает сообщение и убирает его.

— Все. Что можно перенести?

Придвигает испорченный рисунок к свету.

Оказывается, не так мало. Верхняя часть почти сухая. Заголовок мы еще не приклеили. Несколько деталей можно аккуратно вырезать и собрать на другом листе.

Сначала мне не нравится. Я хотела цельный рисунок, а получится что-то другое.

Потом Марк раскладывает вырезанные части на чистой бумаге, и я замечаю, что это даже интересно. Как отдельные фрагменты старой фотографии.

— Подожди, — останавливаю его. — Не приклеивай.

Переставляю одну часть, под другую подкладываю серую бумагу.

Отхожу на шаг.

— Вот так.

Марк тоже смотрит.

— Лучше?

— Да.

Он придвигает мне клей.

Работа постепенно идет.

***

Через сорок минут я уже почти не вспоминаю, что соби-

ралась плакать.

Марк вырезает детали, я собираю их на листе. Что-то приходится дорисовать, но гораздо меньше, чем казалось. Пятно на одном фрагменте закрываем подписью. Еще один просто не используем.

— Ты слишком близко режешь, — замечаю.

— Ты сама сказала по контуру.

— Оставляй немного белого.

Он откладывает ножницы и смотрит на меня.

— В миллиметрах сколько?

Прикидываю.

— Два.

— Вот теперь понятно.

Улыбаюсь и возвращаюсь к своему краю.

На телефоне вспыхивает сообщение от мамы. Спрашивает, где я.

Отвечаю, что еще в школе, заканчиваю оформление.

Потом смотрю на Марка.

Он сидит, опершись локтем о стол, и растирает переносицу.

— Устал?

— Немного.

— Ты вообще ел после уроков?

— Нет.

— Почему?

Он оглядывает стол.

Вопрос действительно глупый.

Я вспоминаю про булочку. Она все еще в сумке, но на двоих половины явно мало.

— Подожди здесь.

Марк поднимает голову.

— Ты куда?

— Сейчас вернусь.

В учительской нахожу Елену Викторовну. Говорю, что буквы сегодня не сделаю, потому что заканчиваю стенд.

Поначалу кажется, что она станет возражать. Но учительница только снимает очки.

— Хорошо. Завтра с девочками разберемся.

Вот и все.

Стоило сказать раньше.

Заодно спрашиваю, открыт ли еще буфет. Оказывается, буфетчица собирается уходить, но в столовой пока есть свет.

Спускаюсь почти бегом.

Успеваю купить два сэндвича в упаковке и чай. Чай приходится нести осторожно, и по лестнице я поднимаюсь уже медленно.

Марк встречает меня возле двери.

— Ты куда пропала?

— За едой. Помоги.

Он забирает стаканы и сразу относит их на подоконник, подальше от бумаги.

— Учимся на ошибках, — замечаю.

— Стараюсь.

Садимся за маленький стол возле стены.

Марк смотрит на сэндвич.

— Сколько я должен?

— Нисколько.

— Алин.

— Ты остался мне помогать. Я купила тебе поесть. Все нормально.

Он немного медлит, потом кивает.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

И почему-то мне приятно, что в этот раз помогла я.

***

После еды становится легче.

Марк снова шутит, я перестаю придираться к каждой неровной линии. Доделываем центральную часть, собираем обрезки и раскладываем все на свободных столах, чтобы утром ничего не перепутать.

Он делает несколько фотографий готового оформления.

— Зачем? — спрашиваю.

— Чтобы завтра знали, куда что клеить.

— Умно.

— Иногда получается.

Я проверяю снимки. На одном в кадр попала моя рука с пятнами клея и серой краски.

Пытаюсь оттереть большой палец салфеткой.

Марк молча протягивает влажную.

— У тебя все с собой?

— Почти.

— Хорошо подготовился к жизни.

— К школьному оформлению, как выяснилось, нет.

Смеюсь.

Елена Викторовна приходит посмотреть результат. Останавливается возле стола, некоторое время рассматривает.

— Хорошо получилось.

Я невольно выпрямляюсь.

— Только не трогайте пока, здесь клей не высох, — предупреждаю.

— Не буду. Спасибо вам обоим.

Она смотрит на часы и сразу начинает торопить нас домой. До этого никого особенно не смущало, сколько мы здесь сидим.

Марк помогает убрать материалы на верхнюю полку. Я забираю сумку и вдруг замечаю, что он морщится, когда поднимает руку.

— Что такое?

— Ничего. Плечо после вчерашнего.

— Болит?

— Потянул немного. Пройдет.

Забираю у него последнюю коробку.

— Поставлю сама.

— Она легкая.

— Тем более справлюсь.

Марк смотрит на меня, потом отступает, освобождая место.

Ставлю коробку на полку и поворачиваюсь к нему.

— Видишь? Полезно иногда спрашивать.

Он улыбается.

— Учту.

***

Из школы выходим, когда во дворе уже почти никого нет.

На ступеньках останавливаюсь и вдыхаю прохладный воздух. За несколько часов в маленькой комнате стало душно, а я даже не заметила.

Марк застегивает сумку.

— Тебя проводить до остановки?

— Мне пешком недалеко.

— Тогда до перекрестка.

Идем вдоль забора. В окнах актового зала еще горит свет, за стеклом двигается чья-то фигура. Наверное, убирают после репетиции.

Я смотрю на свои пальцы. Краска все-таки отмылась не до конца.

— Ты на меня не обиделся? — спрашиваю.

— За что?

— Я там огрызалась.

— Ты устала.

— Это не значит, что можно.

Марк некоторое время молчит.

— Не обиделся.

Киваю. Потом все же добавляю:

— Спасибо, что остался.

— Мы же вместе делали.

Для него это звучит как достаточное объяснение. И, наверное, так и есть.

На перекрестке останавливаемся. Ему в другую сторону.

— Завтра постарайся не приносить ведро воды, — говорит Марк.

— Принесу маленькое.

— Тогда переживем.

Он улыбается, прощается и уходит.

Я стою еще несколько секунд, потом поворачиваю к дому.

Ноги гудят. Рисование пропустила, уроки не сделаны, в сумке лежит так и не съеденная половина булочки. Если перечислить все это Даше, она решит, что день прошел ужасно.

Но мне почему-то хорошо.

Не из-за стенда. Хотя стенд в итоге получился лучше, чем я ожидала.

Марк видел меня злой, уставшей, с размазанной на пальцах краской. Видел, как я едва не расплакалась из-за чужой неосторожности. Я не выбирала, как повернуться, не думала, достаточно ли красиво улыбаюсь, не придумывала вопросы, чтобы удержать его внимание.

Он просто был рядом.

А потом мы сидели возле стены, ели купленные в буфете сэндвичи и спорили, можно ли считать криво вырезанный прямоугольник частью художественного замысла.

Достаю телефон, чтобы написать маме, что уже подхожу.

В переписке с Марком появляется фотография.

Мы вдвоем возле стола. Он держит бумагу, я что-то показываю карандашом. Оба смотрим на лист. Снимок явно сделан не нами.

Следом приходит сообщение:

«Елена Викторовна прислала. Для отчета».

Увеличиваю фотографию.

На ней у меня выбилась прядь из хвоста, рукав закатан выше другого, а на щеке, кажется, тонкая серая полоска.

И все равно снимок нравится.

«Сохранила», — отвечаю.

Марк присылает вторую фотографию, уже готового стенда.

Ее тоже сохраняю.

Но перед тем как убрать телефон, еще раз открываю первую.

Глава 5. Не ради него

В среду Леша встречает меня возле школы с кофе.

Сначала даже не понимаю, что стакан предназначен мне. Он стоит у ворот, разговаривает с Лариным и держит в руках сразу два.

— Привет, — говорит, заметив меня. — Держи.

Смотрю на протянутый стакан.

— Мне?

— Нет, директору. Но раз уж ты первая пришла…

Беру кофе. Горячий, приходится перехватить за картонный ободок, чтобы удержать его.

— Спасибо. С чего вдруг?

— По пути купил.

Кофейня находится через дорогу. Не совсем по пути, если Леша, как обычно, приехал со стороны стадиона. Но уточнять не начинаю.

— С молоком, без сахара, — добавляет он.

— Ты откуда знаешь?

— Ты летом при мне заказывала. Раза три.

Улыбаюсь.

Приятно, когда помнят такие вещи. Только вместе с этим появляется небольшая неловкость. В последнее время Леша все чаще оказывается рядом. То ждет после уроков, то зовет куда-нибудь, то пишет вечером. Я вроде бы ничего не обе-

щала, но он явно считает, что у него есть основания продолжать.

Может, потому что я ни разу не сказала прямо, что встречаться с ним не хочу.

— В пятницу свободна? — спрашивает он, когда идем к крыльцу.

— А что?

— У ребят выступление. Помнишь, я показывал видео?

Вспоминаю. Его знакомые играют в небольшой группе. Видео было шумным, почти ничего не разобрать, но Леша очень ими гордился.

— Помню.

— Они в молодежном центре выступают. Пойдем?

— Кто еще идет?

Леша некоторое время смотрит на меня.

— Можем вдвоем.

Вот теперь отшутиться сложнее.

— Я пока не знаю. У меня рисование может быть.

— Оно у тебя по понедельникам.

— Иногда переносим.

Это правда. Но на эту пятницу ничего не перенесли.

Леша кивает, хотя по лицу видно: ответ ему не понравился.

— Тогда скажешь.

— Хорошо.

Заходим в школу. У лестницы замечаю Марка. Он стоит с

Соней и Лариным, который успел обогнать нас еще во дворе.

Марк смотрит на стакан у меня в руке, потом на Лешу.

— Привет, — говорю.

— Привет.

Он придерживает дверь на лестницу, пропуская нас, и идет следом.

Ничего особенного.

Но до самого кабинета я почему-то думаю о том, заметил ли он, кто принес мне кофе.

***

Стенд в холле наконец собрали.

В понедельник он высох, во вторник мы все закрепили, а сегодня возле него уже фотографируются младшие классы. Подписи Даша сделала вовремя. Леша, как и обещал, помог повесить рамы и больше ничего не опрокинул.

Вроде бы можно спокойно выдохнуть.

Только я все равно останавливаюсь, проходя мимо.

Один из снимков немного съехал.

Подхожу поправить.

— Сейчас нормально, — говорит Марк у меня за спиной.

Оборачиваюсь. Он спустился следом.

— Край торчал.

— Уже не торчит.

Отступаю на шаг. Так действительно лучше.

Некоторое время смотрим на выставку.

— Хорошо получилось, — говорю.

— Ты удивлена?

— Немного. После той воды думала, что придется все выбросить.

Марк улыбается.

Вспоминаю, как мы сидели в маленькой комнате за актовым залом. Как он вырезал детали, а я придиралась к каждому миллиметру. Тогда было легко. Даже когда испортился рисунок, даже когда я злилась и едва не плакала.

Сейчас почему-то не так.

Я держу кофе двумя руками и думаю, спросит ли он про Лешу.

Марк не спрашивает.

— Я нашел еще одно письмо, — говорит вместо этого. — Для маршрута. Там про старую площадь.

— Пришлешь?

— Уже прислал.

— Сейчас посмотрю.

— Можно на перемене. Нам пора.

Он кивает в сторону лестницы.

Поднимаемся вместе. Возле кабинета Леша забирает у меня пустой стакан.

— Выбросить?

— Да, спасибо.

Марк проходит в класс.

Я провожаю его взглядом и только потом замечаю Дашу.

Она смотрит на меня с явным интересом.

— Что? — спрашиваю сразу.

— Пока ничего.

Очень не люблю, когда она так отвечает.

***

На большой перемене все же приходится разговаривать.

Даша тащит меня в конец коридора, где почти никого нет, и останавливается возле окна.

— Громов серьезно настроен.

— Я заметила.

— Кофе, приглашения, ждет после уроков.

— Спасибо, что перечислила. А то я могла что-нибудь пропустить.

Она не реагирует на мой тон.

— А ты?

— Что я?

— Тебе он нравится?

Прислоняюсь к подоконнику.

— Как человек — да.

— Понятно.

— Что понятно?

— Что ты опять не хочешь говорить прямо.

Отворачиваюсь к окну. Во дворе кто-то из младших гоняет ногой пустую пластиковую бутылку. Охранник выходит из будки и машет им рукой.

— Я не хочу его обижать.

— Если будешь соглашаться на все подряд, потом обидит-

ся сильнее.

— Я ни на что не согласилась.

— Пока.

Молчу.

Даша стоит рядом, крутит на пальце резинку для волос.

— А Воронцов? — спрашивает наконец.

— При чем здесь он?

— Алин.

Смотрю на нее.

— Мы делаем проект.

— Конечно. Поэтому ты улыбаешься телефону, когда он тебе пишет.

— Ты за мной следишь?

— Ты рядом сидела.

Это было вчера в столовой. Марк прислал еще одну песню, а потом спросил, не нашла ли я уже достаточно красивый дом, чтобы перестать спорить с источниками. Я действительно улыбалась.

— С ним интересно, — признаюсь.

— Так и скажи.

— Кому?

— Для начала себе.

Закатываю глаза.

Подруга некоторое время молчит, потом придвигается ближе.

— Хотя Громов может оказаться полезен.

— В смысле?

— Пусть Марк увидит, что не он один с тобой общается. Если ты ему нравишься, как-нибудь покажет.

Смотрю на Дашу.

Мысль появляется слишком быстро. Неприятно быстро, если честно.

Леша зовет меня на выступление. Можно согласиться. Ничего такого, просто сходить вместе, послушать музыку. А Марк узнает и… Что? Предложит пойти с ним? Спросит, встречаемся ли мы? Начнет чаще писать?

— Это глупо, — говорю.

— Почему? Ты же не обязана сидеть и ждать, пока Воронцов определится.

— Он вообще ничего не обещал.

— Именно.

Она произносит это так, будто только что доказала свою правоту.

А я вдруг понимаю, что уже несколько дней жду от Марка чего-то, о чем ни разу с ним не говорила. Мы переписываемся, смеемся, работаем вместе. Он остался помочь со стендом. Запомнил, что я рисовала.

Но все это вполне может означать, что ему просто нравится со мной общаться.

И вот это мне почему-то не подходит.

***

После четвертого урока Леша снова спрашивает про пят-

ницу.

Стоит возле нашей парты, опирается ладонью о край стола. Марк рядом убирает учебник в рюкзак.

— Посмотрела расписание? — интересуется Леша.

— Пока нет.

— Алин, мне билеты брать сегодня.

Поднимаю голову.

— Там билеты?

— Не переживай, я возьму.

— Я не про деньги.

Он ждет.

Чувствую рядом движение. Марк закрывает рюкзак, но не встает.

Можно просто ответить, что не пойду. Или сказать, что схожу с Дашей и остальными.

Вместо этого спрашиваю:

— Во сколько начало?

— В семь. Я за тобой зайду.

— Зачем? Можем там встретиться.

Леша улыбается.

— Значит, идешь?

На секунду перевожу взгляд на Марка.

Он как раз смотрит на меня.

Не успеваю отвернуться.

Воронцов поднимается.

— Я в столовую, — говорит.

И уходит.

Смотрю ему вслед, хотя Леша все еще ждет ответа.

— Алин?

— Я вечером скажу. Правда.

Он недовольно выдыхает, но спорить не начинает.

Когда Леша отходит к мальчишкам, достаю телефон. Открываю переписку с Марком, хотя не понимаю, что собираюсь написать.

Ничего не пишу.

На следующем уроке он возвращается почти перед звонком. Садится, достает тетрадь.

— Ты ел? — спрашиваю.

— Да.

— Что там было?

— Запеканка.

— Нормальная?

— Вполне.

Отвечает спокойно. Но дальше разговор не идет.

Вчера он наверняка добавил бы что-нибудь. Спросил, почему я не пошла, предложил посмотреть очередную фотографию.

Или мне только кажется.

На полях тетради рисую несколько одинаковых квадратов. Потом перечеркиваю их все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.